

«Из дерева сделан. Топором тесали, орудием немудрящим, простым. Топором. И сам из дерева. Протянет полено – думаешь, к чему? – глянь – рука, здороваться хочет. Хитрый. В глазах лукавинка русская – во какая! И наивно прячет эту лукавинку самую под пенсне Грузинов. На черта? Кто его разберёт!» [2], – говорил драматург Б.А. Глубоковский. «Иван Грузинов был чуть ниже среднего роста, грузный, с покатыми плечами, с широким крестьянским лицом и тщательно расчёсанным пробором на голове. Ходил он всегда в коричневой гимнастёрке с двумя кармашками на груди – в левом находились воронёной стали открытые часы и свешивалась короткая цепочка. Грузинов чаще, чем полагается, любил вынимать часы и говорить с точностью до одной секунды время. Он писал стихи о русской деревне, образы у него были пластичные...» [10], – читаем в воспоминаниях имажиниста М.Д. Ройзмана. Таким запечатлели современники человека, которого назовут «искреннейшим» и «самым культурным другом» Сергея Есенина.

«А я Грузинов, то есть грузин. Кровь у меня восточная...» [10, 92], – заявил однажды поэт. Однако известно, что Иван Васильевич Грузинов родился 8 (20) сентября 1893 года в деревне Шебаршино Можайского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. Учился в сельской школе, затем в учительской семинарии. В 1913 году поступил в Народный университет им. А.Л. Шанявско-

¹ **Новикова Оксана Александровна** родилась в Фергане Узбекской ССР. В 1994 г. окончила факультет русского языка и литературы Смоленского гос. пед. института. Кандидат филологических наук. В настоящее время – доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского гос. университета. Автор 120 работ. С 1977 года живёт в Смоленске.

го в Москве. Выходец из деревни оказался способным учеником. Пройдёт время, и современники признают его «эстетом» и знатком поэзии.

Любовь к книге Грузинов унаследовал от отца и уже в детскую пору занялся собственным сочинительством. Его литературный дебют состоялся в 1912 году, когда газета «Хмель» напечатала одно из стихотворений.

Участием в Первой мировой войне навеяны многие стихотворения самой ранней поэтической книги Грузинова «Бубны боли», вышедшей в 1915 году. В произведении, давшем название сборнику, автор, используя звукопись, передал своё восприятие войны, её «какофонию»:

Батарей обрывки клубы // Быстрых бархатов обвили. //
Побежал инкуб рубинов // Оборвать боа на башнях, //
Зубы выбитых барбетов // Бороздит бурьяном бомб. //
В небесах балет болидов // Бросил бусы. Бронза брызг! //
К облакам батальный бант. // Брёвна, сабли, губы, рёбра //
Раздробить в багровый борщ. // «Брац!..» // «Урра-а-а-а-а!» //
Трубы бреют бубны боли, // Бредит братом барабан. [11]

После демобилизации в 1917 году Грузинов два года работал заводделом внешкольного образования Московского уездного Совета.

Осенью 1918 года он познакомился с С. Есениным, вместе они участвовали в работе первого Всероссийского съезда советских журналистов. В 1919 году поэт вступает в «Орден имажинистов», а уже через короткое время проявляет себя в качестве теоретика новой поэтической школы (книга «Имажинизма основное», М., 1921; статьи в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном»). И на практике он утверждал свою принадлежность к группе, участвовал в её скандальных акциях. Например, вместе с другими поэтами в ночь с 27 по 28 мая 1919 года расписал стихотворными строками стены женского Страстного монастыря; объявлял всеобщую «мобилизацию интеллигенции» летом 1921 года и др. Участвовал и в резонансных литературных вечерах – судах

И.В. Грузинов

И. Грузинов с С. Есениным

«над имажинистами» и «современной поэзией» в ноябре 1920 года.

Тем не менее, основатели русского имажинизма А.Б. Мариенгоф и В.Г. Шершеневич снисходительно относились к деятельности Грузинова, считая его идеи вторичными. Например, Шершеневич в статье «Кому я жму руку» утверждал: «Есть такой юноша Иван Грузинов, которому очень хочется стать имажинистом. В недавно выпущенной книге “Имажинизма Основное” <...> вульгаризировано и переповторено всё то, что хорошо звучало в моём

“Дважды два пять” и Толином (Мариенгофа) “Буян-острове”» [11, 27].

Зато истинное духовное родство у Грузинова обнаружилось с Есениным. Так, на книге «Трерядница» автор «Инонии» написал: «За дружбу нежную и безбурную дорогому Ване Грузинову любящий С. Есенин. 20 г.» [6]. «Он хороший мужик. Это не то, что многие... Грузинов хорошо разбирается в стихах, из него бы критик вышел дельный и, главное, честный. Не юлил бы хвостом. И стихи у него неплохие ... Правда, любит мудрить иногда, но это пройдет, да и кто в этом не грешен» [7], – так характеризовал друга С. Есенин. У Грузинова, как и у Есенина, было своё понимание имажинизма, он отдавал первенство образу («Основное в поэзии – композиция образов»), считая «прочий материал поэзии – евфонию, ритм ... – второстепенным» [8]. Однако сам автор немало поэспериментировал в области звуковой инструментовки стиха. Приведём для наглядности строки из его стихотворения «Жернова заржали жаром», с явно нарочитым акцентированием [ж]:

Жернова заржали жаром // Рыжих жал. Железа скрежет.//
Жабры сжать. Жужжит желудок. //
Желчь дрожит. Разрежу жилы.//
Жердь жую. Жену жалею. // Животы, фуражки, лужи.//
Жатва, жёлтые жуки. [11])

В одном из лучших своих эссе «Пушкин и мы» (1924) Грузинов писал о корнях имажинизма, обнаруживая при этом связь своего творчества с русской традицией XVIII века, а есенинского – со «Словом о полку Игореве»: «...мы, как и поэты той эпохи, строим сначала, на голой земле» [12]. В другой своей статье «Конь: анализ образа» Грузинов-критик проследил движение «центральной метафоры» имажинизма, начиная с древнерусской литературы и заканчивая современностью («Конский сад. Вся банда» (1922) – название одного

Обложка книги И. Грузинова из коллективных сборников группы). В издательстве «Имажинисты» в 1921 году был выпущен сборник стихов Грузинова «Бычья казнь».

Другая поэтическая книга – «Серафические подвески» в 1922 году из-за использования ненормативной лексики была конфискована. «Грузинов недоумевал: почему ему инкриминируются те слова, которые напечатаны в «Словаре» Даля?» [5], вспоминал Шершеневич). Вместе со сборником «Стихетты» (1922) гражданской жены Грузинова Нины Хабиас – Н.П. Оболенской книга представляла своеобразный диалог в стихах. Однако за самиздатовские произведения на табуированную тему поэты были наказаны: коллегия ГПУ завела дело на Грузинова, а Хабиас два месяца провела в Бутырской тюрьме.

Во время раскола, произошедшего в группе, Грузинов занял сторону Есенина; 31 августа 1924 года в открытом письме, опубликованном в «Правде», они заявили: «Мы, создатели имажинизма, доводим до всеобщего сведения, что группа “Имажинисты,, в доселе известном составе объявляется нами распущенной» [9]. Правое, есенинское крыло ориентировалось на классиков, «внося» при этом в стихи метафору для яркого изображения; левое – (во главе с Шершеневичем и Мариенгофом – следовало футуристическим традициям.

Сохранилось достаточно свидетельств современников той искренней заботы и участия, которые проявлял по отношению к Есенину его старший друг. Грузинов был «добрым ангелом» поэта, страдал из-за его «жизненной неустроенности», не раз помогал

с ночлегом, деньгами и пр. Находился он и «в плену есенинских строк», столь близких ему пониманием темы родины, деревни (сборник «Избяная Русь», 1925). Своё «бытописание крестьянской жизни» осуществлял нередко при помощи есенинского приёма «струения образа» – смешения «примет человека, растения и животного», «крайней вещественности», доходящей «до натурализма». Ройзман свидетельствовал о том, что Грузинов нередко оказывался «в плену есенинских строк», иллюстрируя своё замечание сопоставлением следующих строк поэтов: «О, если б прорасти глазами, / Как эти листья, в глубину» (Есенин) и: «Мои ли протекут глаза / Ручьёв лесною голубизной?» (Грузинов) [10]. Поиски такого рода аналогий можно продолжить. Примечательно произведение «Русь» (1921):

Серебряный и синий // Поутру,
А полдень выткан золотом соломы. //
Лишь изредка то здесь, то там // Мерцает свет павлиний. //
Какая пустота // В моей избе! // Как тихо дышит Русь! //
И времени челнок замедлил бег, //
Запутавшись в прозрачных паутинах. // А на исходе дня //
В полях // Остановил коня, //
Смотрю, как за селом // У ветхого овина //
Стекает с чьих-то светлых рук // Зерно, //
И стелется у ног // Тончайшая мякина. //
Трубы далёкой звон // Иль август грезит журавлями? //
Над оловом реки // Застыла конопля. //
Как тихо дышит Русь! //
Биенье сердца конского // И трепеты раки. [3, 14]

Так, на лексико-тематическом уровне обнаруживается связь данного стихотворения – элегии Грузинова с написанным в том же жанре произведением «Отговорила роща золотая» (1924). Тема бегущего времени – одна из основных в обоих случаях: «И если время, ветром разметая...» (Есенин); «И времени челнок замедлил бег...» (Грузинов). Образы грузиновского текста побуждают вспомнить о похожих образах Есенина: «А полдень выткан золотом соломы» (ср. у Есенина: «В пряже солнечных дней время выткало нить» в стихотворении «Подражанье песне»); «Трубы далёкой звон» (ср. у Есенина в стихотворении «По дороге идут богомолки...»: «Гулкий звон, словно зык чугуна»); лейтмотив – олицетворение «Как тихо дышит Русь!» (а у Есенина в произведении

«Устал я жить в родном краю...» Русь «будет жить, / Плясать и плакать у забора»).

Вернёмся вновь к сравнению стихотворений «Русь» и «Отговорила роща золотая». В произведении Грузинова, как мы убедились, проявляется немало образов, ассоциирующихся у читателя с есенинской образностью. Однако строки Грузинова: «Иль август грезит журавлями? // Над оловом реки // Застыла конопля», как видим, были написаны раньше есенинской: «О всех ушедших грезит коноплянник». Не исключено, что Есенин, раскрывая тему кратковременности человеческой жизни на фоне вечного природного мира, включил в текст аллюзии на произведение своего друга-поэта, приятельство с которым стало неотъемлемой частью молодости (лирический герой «полон дум о юности веселой», но не жалеет «лет, растроченных напрасно»). Данный пример – проявление определённого сотворчества Есенина и Грузинова.

Явные переклички с циклом произведений Есенина 1915-16 годов о гибели животных по вине человека («Корова», «Лисица», «Песнь о собаке») имеет и стихотворение «Бычья казнь» (1921) Грузинова. «Утром в ржаном закуте...», – так начинается знаменитая поэтическая история о матери-собаке, лишившейся «семих щенят» по воле «хозяина хмурого». У Грузинова «казнь» быка также совершает «хозяин», похожий «на распаренный бочонок». Мирная картина, данная вначале («В закуте – темь и сонь. // Мерно фыркает бык, // Бычью морду треплет рука, // Ласково к пойлу клонит»), сменяется натуралистической сценой кровопролития и бычьего распятия:

На шею тугой аркан // Рукой судьбы. // И в лоб беляное пятно //
Колун // Заржавленным квадратом обуха. //
По горлу хлебный нож. // Бьёт кровь в лохань, //
Где сдохлись за ночь мутные помои, //
И, брызнув на зипун // Хозяина, слипается как чёрное клеймо. //
Парные потроха – // Зелёной грудью у ветхого плетня. //
И птицы реют над добычей. // Труп бычий //
Вздыбили на пялы. // И, как последний отблеск дня, //
Дрожанье жил шафранных, сизых, алых. //
Мигай, закат, мигай! //
Воронье карканье медлительней и глуше. //
Кровавые рога // В навоз вонзая, // Ободранная стынет голова. //
Два зеркала – остекляневшие глаза: //

В одном – небесная синева, //
В другом качается распяленная туша. [3, 13].

Не остались незамеченными и организаторские способности Грузинова: он входил в инициативную группу издательства «Современная Россия», с 1920 по 1925 год состоял членом правления Всероссийского союза поэтов.

С Есениным Грузинов держал связь и в последующие годы. Задумав выпуск нового альманаха «Поляне», Есенин планировал, что в «первом ударном» номере, который должен был выйти в сентябре 1925 года, будут напечатаны стихи и критическая статья Грузинова. В ноябре 1925 года Есенин предложил Грузинову написать некролог (у поэта возникла идея сымитировать собственные похороны с целью узнать, «как они напишут», увидеть, «кто друг, кто враг»).

После смерти Есенина Грузинов отдал дань его памяти, опубликовав мемуары «Есенин разговаривает о литературе и искусстве» и «О смерти Есенина»; а также стихотворения «С каждым днём нежнее ветер вешний...» и «Осень. Глушь. Шагаю наугад...», – идущие от сердца, лишённые искусственной нарочитости:

Осень. Глушь. Шагаю наугад..
Запах смол. Лопаты мерный стук.
Упаду, затягивая петлю.
Мать-земля! Зерном не прорасту.
Звёздочку над полем не затеплю. [5]

С посвящением любимому другу вышла одна из лучших поэтических книг Грузинова «Малиновая шаль» (1926). В том же плодотворном 1926 году были опубликованы стихотворные сборники «Западня слов» и «Роды».

Судьба И. Грузинова, как и многих других «крестьянствующих» поэтов, сложилась трагически. Он подвергался «кратковременному аресту в 1924 году по делу «Ордена русских фашистов»». А «1 июля 1927 г. был осуждён по статье 58-15 (антисоветская пропаганда и связи с контрреволюционерами) к 3 годам ссылки в Сибирь. 6 ноября 1927 г. по амнистии этот срок был сокращён на одну четверть (сохранилось его письмо В.Л. Львову-Рогачевскому от 31 марта 1928 г. из г. Киренска ...), а по отбытии ссылки 16 августа 1929 г. решением ОСО получил «минус 6» и был «прикреплён к Воронежу» (дело сыльного – в архи-

ве Воронежского УВД), явившись вместо этого в Москву, где был вновь арестован у своего брата, корректора типографии ОГПУ Николая Грузинова» [1]. «Года два назад я встретил его в Воронеже. Он что-то делает, но, к счастью для поэзии, он о ней забыл» [5], – таким запечатлел в своих мемуарах Грузинова воронежского периода Шершеневич.

Пережитое, неоднократные аресты и ссылки не прошли бесследно для поэта... Лишь перед Великой Отечественной войной он смог вернуться в Москву. Занялся написанием воспоминаний о В. Маяковском, подготовкой к изданию итогового сборника собственных стихов.

В последние годы жизни Грузинов «сильно бедствовал» и умер от голода в 1942 году в Кунцеве.

Миг за мигом – маятник медлительней в груди.

В этакую тьму

Не припомнишь алый луч гвоздики,

Щебет птичий, утренние льны.

Дальний мой, безвестный (кто б ты ни был!),

Каждый, для кого ещё сияет звёздный прах,

Златятся дни –

Помяни меня в своих мечтах. [3, 46].

Литература

1. Галушкин А., Нехотин В. Предисловие // Нина Оболенская (Хабас). Собрание стихотворений. – М.: Совпадения, 1997. – С. 5–42.
2. Глубоковский Б. Маски имажинизма // Гостиница для путешественников в прекрасном. – 1924. – № 4. – С. 10.
3. Грузинов И. Избяная Русь. – М.: Современная Россия, 1925.
4. Грузинов И. Пушкин и мы. [Статья] // Гостиница для путешественников в прекрасном. 1924. N 3. С. 15–18
5. Грузинов Иван. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://coubpro.ru/sochinenie-xx-vek/ivan-gruzinov.html>
6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7 тт. Т. 7. Книга первая. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. Составление, подготовка текстов и коммент. А. Н. Захарова, С. П. Кошечкина, Т. К. Савченко, М. В. Скороходова, С. И. Субботина и Н. Г. Юсова. – М.: Наука – Голос, 1999. – С. 448.
7. Ивнев Р. Часы и голоса: Стихи, воспоминания. – М., 1973. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/ivnev-chasyigolosa/ivnev-chasyigolosa.html>
8. Имажинизма основное. – М., 1921. – С. 7.

9. Поэты-имажинисты / сост., подг. текста, биограф. заметки и примечания Э.М. Шнейдермана. - СПб.: Пб. писатель; М.: Аграф, 1997. - С. 337.
10. Ройзман М.Д. Всё, что помню о Есенине. - М.: Советская Россия, 1973. - С. 52.
11. Сонет Серебряного века. Сборник стихов. В 2 тт. - М., 2005. - Т. 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.litmir.net/br/?b=200603&p=42#section_359
12. Цит. по: Марков В. Гостиница для путешественников в прекрасном // Звезда. - 2005. - № 2.
13. Шершеневич В. Листы имажиниста. - Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

Смоленск

Оргкомитет конкурса “Серебряный голубь России 2017” доводит до сведения участников конкурса состав жюри.

Председатель:

Муриков Геннадий Геннадиевич – член СПР, литературный критик и публицист.

Члены:

Лестева Татьяна Михайловна – член СПР и Союза журналистов СПб и Лен. области, главный редактор журнала «На русских просторах»

Познин Виталий Фёдорович – член Союза журналистов, доктор искусствоведения, профессор

Росляков Евгений Александрович – поэт, заместитель главного редактора журнала «Новгород литературный»

Сабилу Иван Иванович – член СПР, прозаик

Шемшученко Владимир Иванович – член СПР, спец. корреспондент «Литературной газеты», поэт.